

жетомъ поэзіи, не терявшимъ живѣйшаго интереса. Сербскій эпосъ—единственный у Славянъ сберечь до послѣдняго времени свою творческую силу. Условіями его жизни были именно—присутствіе народной исторической дѣятельности, которая создала для него исключительную, ему только принадлежащую, область поэтическихъ идеаловъ и національных стремленій. Древнія основы обще-славянскаго (предполагаемаго) эпоса отступили на задній планъ передъ новымъ частно-народнымъ содержаніемъ, и единство разрушалось снова.

Прибавимъ наконецъ, что и въ области этого народнаго эпоса, гдѣ еще недавно такъ легко видѣли отголоски до-историческихъ міровъ, болѣе внимательный анализъ открываетъ слѣды книжныхъ средне-вѣковыхъ сказаній<sup>1)</sup>.

Съ другой стороны, западные Славяне, Поляки и Чехи окончательно забыли старый народный эпосъ, о которомъ мы можемъ судить нынѣ лишь по отрывкамъ преданій и по лѣтописнымъ свѣдѣтельствамъ. Поляки и Чехи рано были оторваны шумной исторической дѣятельностью отъ воспоминаній стараго языческаго быта и его міеологии. Въ XV-мъ столѣтіи чешская старина окончательно заслонена была бурными событіями русскаго движенія, и забывалась передъ новыми идеями, охватившими народную жизнь этой замѣчательнѣйшей героической эпохи Чеховъ; народная дѣятельность была самая напряженная, но въ ней не было уже никакихъ патриархальныхъ свойствъ, и на сцену являлись требованія личности—противныя всѣмъ свойствамъ народнаго эпоса. Въ настоящее время чешскій народъ совсѣмъ не знаетъ преданій героическаго эпоса: они забылись совершенно. Подобное явленіе произошло и въ Польшѣ: народъ, угнетенный и лишенный самобытной дѣятельности, теряетъ смыслъ даже и въ прежнихъ преданіяхъ; высшее сословіе вовсе ихъ забыло подъ вліяніемъ латинской образованности, которая, нимало не была благопріятна для сохраненія наивной поэтической старины. Если, какъ можно видѣть изъ лѣтописцевъ, событія и вызвали эпическую дѣятельность, она ограничилась отдѣльными поэтическими попытками, не имѣющими характера народнаго эпоса.

Почти единственной поэтической формой осталась у этихъ народовъ лирика, легче примѣняющаяся къ измѣнчивой исторіи. Пѣсни бытовые и обрядныя существуютъ въ огромной массѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ, и сберегли большую живучесть и тамъ, гдѣ всего меньше уцѣлѣлъ первобытный составъ народной поэзіи. Различіе національных характеровъ и исторіи оказывается и здѣсь. Племена, меньше удалившіяся отъ патриархальной старины, вѣрнѣе сохранили и древнюю лирику, съ ея миѣической подкладкой и бытовой обстановкой; племена болѣе затронуты историческимъ движеніемъ, даютъ своей пѣснѣ отбѣнокъ новыхъ нравовъ. Такъ новая лирика у Чеховъ отличается особенностями, которыхъ конечно не было въ древней: любовная пѣсня дѣлается фривольной. У Русскихъ, народная пѣсня

<sup>1)</sup> Ср. напр. относительно русской былинны съ одной стороны взгляды Афанасьева, Буслаева, О. Миллера, съ другой Веселовскаго и Ягича.